

Ольга Чилина

Радуга счастья

Ольга Чилина

Радуга счастья

Редактор: Ольга Новикова
Иллюстрации: Ольга Чилина

БОСТОН • 2026 • ЧИКАГО

Ольга Чилина Радуга счастья

Olga Chilina Rainbow of Joy

Редактор: Ольга Новикова / Edited by Olga Novikova

Иллюстрации / Artworks by Olga Chilina © 2026

Copyright © 2026 by Olga Chilina

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-950319-48-2 (Hardcover)

ISBN 978-1-970342-49-9 (Paperback)

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced by Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Содержание

Пролог	7
Глава первая: Красный	13
Глава вторая: Оранжевый.	57
Глава третья: Жёлтый	93
Глава четвёртая: Зелёный.	171
Глава пятая: Голубой.	201
Глава шестая: Синий	265
Глава седьмая: Фиолетовый	325

Пролог

— Радужный! Он радужный! Радужный!!!

Я встрепенулась и посмотрела в огромное панорамное окно. За толстым стеклом в ярких солнечных лучах сверкал снег. Сверкал и слепил. Я невольно зажмурилась.

Кто-то громко шикнул — и детские восторженные крики стали тише. Я открыла глаза и между рассеивающимися оранжевыми кругами разглядела мальчика и девочку. Прилипнув ладонями и носами к стеклу, они смотрели на улицу. Не удержавшись, я тоже вытянула шею, чтобы увидеть чудо природы, так взбудоражившее детей.

Солнечный свет под углом пронизывал витражную плёнку под потолочных окон павильона. Пропущенные сквозь яркий фильтр, цветные лучи рассекали воздух и падали наружу — прямо на бело-снежный сугроб за панорамным стеклом. В эту разноцветную мозаику на снегу возбуждённо тыкали пальчиками дети. Простое явление предстало перед ними волшебством. Перед ними и передо мной...

Радужные пятна на сугробе стремительно вытянулись вверх столбами, словно густые, непросохшие мазки широкой кисти. Они упёрлись в бездонную синеву и расплылись огромными бесформенными кляксами, затопившими всё небо.

— В каких облаках витаешь, Агата? — будто из тумана донёсся до меня знакомый зычный голос. — О, я знаю этот мечтательный отсутствующий взгляд! Новая сказка?

Звук потираемых ладоней создал в моём воображении образ огромного ластика, который начисто стёр кляксы с неба.

— Добрый день, Севастин, — улыбнулась я неожиданно возникшему собеседнику.

Севастин... Он обладал удивительным даром заполнять собой всё пространство. Ему было около шестидесяти, но в крепкой фигуре и белоснежной бороде не было ни капли старости — лишь чистая энергия. На фоне спокойного интерьера кафе его красный свитер полыхал неистовым пламенем — так и хотелось коснуться

пальцами этих рельефных, пахнущих уютом узоров. Да и сам Севастин казался человеком-праздником. От его неизменной обезоруживающей улыбки и весело прищуренных глаз веяло теплом, а морозный румянец на щеках завершал образ доброго мага. Дети тянулись к нему инстинктивно и безоглядно, словно к залитой огнями витрине кондитерской лавки.

— Вы сегодня рано.

— Хотел убедиться лично, что и здесь всё готово к самому важному дню Безоблачного, — он соорудил было серьёзную мину, но его рот тут же расплылся в стороны.

— Полагаю, вы говорите о Дне Города, а не о торжественном вечере в честь завершения вашего проекта? — лукаво подмигнула я.

— Нашего проекта, милая моя, нашего! — эмоционально воскликнул Севастин. — Без твоей истории и живописных словесных зарисовок мы бы не добились таких впечатляющих результатов.

Севастин, конечно, преувеличивал мои заслуги. Это без его изобретательности и гениальных идей моя рукопись затерялась бы среди тысячи других голографических книг. Он вдохнул в неё жизнь, превратив выдуманный мир в реальность... м-м-м... виртуальную реальность.

— И потом, никакого торжественного вечера не будет. Всего лишь скромный ужин на сто персон, — захихикал он, — и, разумеется, сюрприз.

— Разумеется.

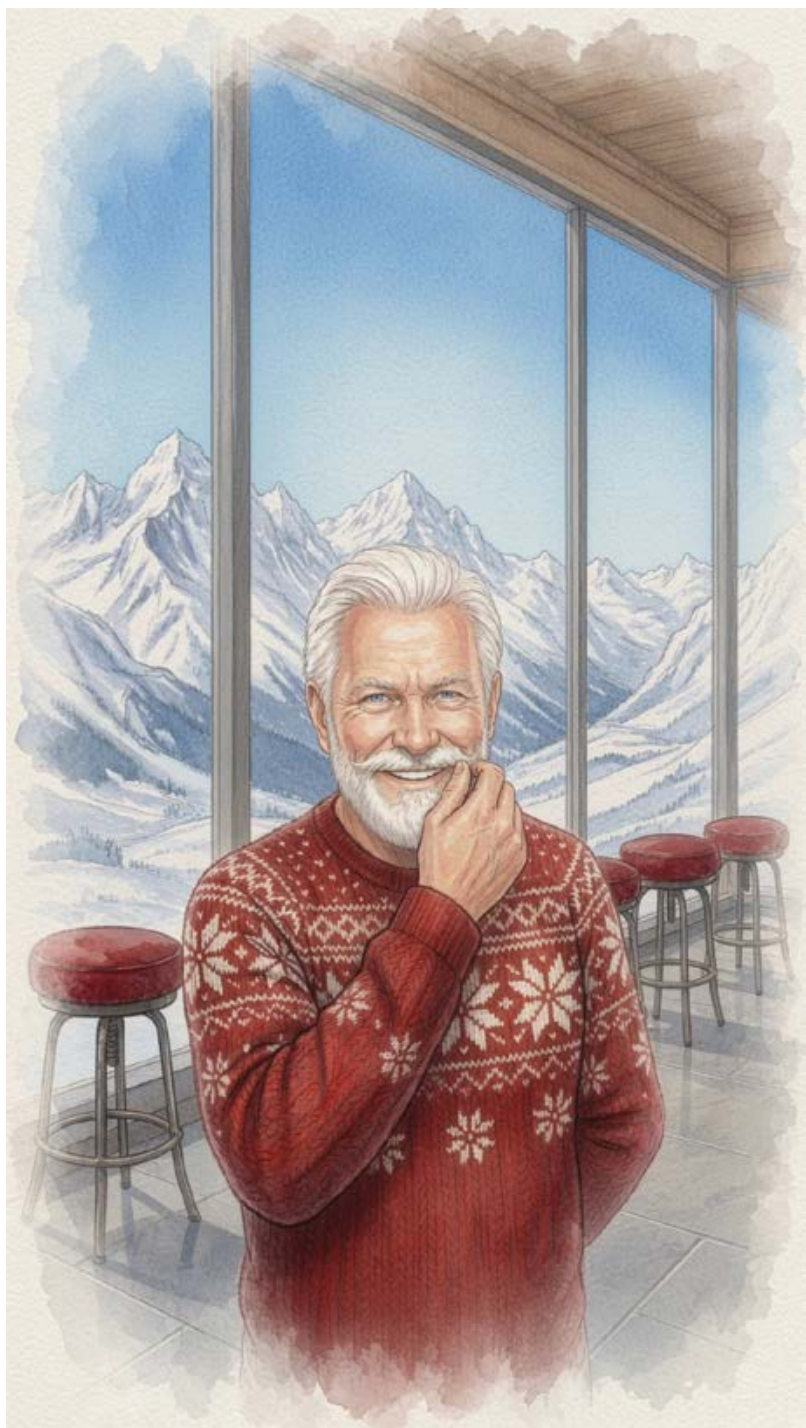
Севастин был выдумщиком от ушей до пят! Я его обожала.

— Ну а в честь праздника я каждому работнику назначил свидание! — ошарашил он меня. При этом глаза его загадочно блестели.

— Как же вы успеете сходить с каждым на свидание за один всего лишь вечер? — я старалась говорить серьёзно, но смех так и рвался наружу.

Он тоже расхохотался и провёл пальцами по усам.

— Я, конечно, любвеобильный и сверх всякой меры общительный, и всё же всему есть предел, — он заговорщически поднёс ладонь ко рту и громко зашептал: — Мне известно, какие страсти кипят в компании. И ты, моя дорогая, проведёшь этот незабываемый вечер с Коллем! — резко выпрямившись, он изобразил благородный жест рукой. — Не благодари меня, не стоит. Я знаю, что ты от него без ума!.. Ты счастлива? — Севастин заискивающе заглянул мне в лицо. Его глаза казались синими в этом ярком дневном свете. Вместе с глубокими морщинами по краям они напоминали хвостатые кометы в бескрайней пустоте холодного космоса. В гру-

ди что-то мелко, болезненно всколыхнулось. Неясный, пугающий ритм, словно далёкое эхо шторма. Вкрадчивое «счастлива» потянуло за собой тревожную ассоциацию с радужной абстракцией на снегу.

— Изнываю от предвкушения, — выдавила я из себя слабую улыбку.

Сын Севастина Колль, спору нет, был красив. По нему вздыхали все работницы Виртбука. Даже те строгие дамы, которые бросали осуждающие взгляды на вздыхающих, то и дело заглядывались на него. Колль обладал идеальной внешностью рыцаря. Как часто, отстукивая пальцами очередную сказку в электронном блокноте, я рисовала в своём воображении главных героев именно с его голубыми глазами и шевелюрой карамельного цвета. Да и характер у него был под стать. Всегда учтив, всегда галантен, в меру заносчив и амбициозен. Он неплохо справлялся с ролью технического директора компании, хотя многие подтрунивали над ним: мол, продвинулся лишь благодаря влиятельному папочке. Я же не видела в этом ничего удивительного или предосудительного. Виртбук принадлежал Севастину, и он имел полное право назначить сына на ответственную должность. Только вот... Коллю не хватало шарма и харизматичности отца. Когда они оба находились в одной комнате, Колль вдруг становился невзрачным, незаметным. Севастин затмевал его ярким красным пятном. Это был его любимый цвет. Красные свитера, джемперы, рубашки. Красный всегда присутствовал в интерьере компании и в горнолыжном клубе, в кафе которого мы беседовали. Этот клуб, кстати, тоже принадлежал Севастину.

Я огляделась. Красный цвет не доминировал, но неожиданно возникал повсюду. Посетителям выдавали красные лыжи и красные сноуборды. Богатая красная обивка великолепно подходила к тяжёлой деревянной мебели в вестибюле. А в кафе у серых столиков стояли табуреты с красными сиденьями — точно дерзкие пуговицы на строгом костюме. На самих столиках в керамических горшках в окружении нарядных толстых листьев нежно цвели красные эписции... О, красный!

Мои руки сами потянулись к блокноту на столе.

— Так я прав? Ты пишешь новую книгу? — снова постукивая пальцами по усам, Севастин жадно следил за моими движениями. — Что на этот раз? Фантастика? Или ещё один сказочный детектив?

— Писатель детективов — не моё амплуа, — я с укором посмотрела на него. — Это вы уговорили меня переделать сказку в детек-

тив, забыли? Для вашей, как вы сами выразились, капризной аудитории читателей-игроков.

— Всё верно. Но посуди сама. Сказки — это, конечно, прекрасно. И, наверное, интересно побродить по зачарованному лесу и сразиться с драконом, но ведь гораздо увлекательнее при этом искать неуловимого злоумышленника!

— Так ведь мои герои как раз таки и сражаются со злодеями! — горячо возразила я.

— Именно! С очевидными злодеями. А я говорю о злоумышленниках. Чувствуешь разницу? Злоумышленник замышляет зло втайне от других. Ты не знаешь, кто он и на что способен. Тебе предстоит это выяснить! Но под силу ли тебе это? Хватит ли ума? — оторвавшись от усов, Севастин теперь многозначительно стучал пальцем по лбу. — Неопределённость и сомнение, когда подозреваешь каждого, — вот он, захватывающий элемент твоей книги. Детектив получился — конфетка! — он смачно поцеловал сложенные пальцы рук. — Даже я не догадался, кто убийца.

— Это всё потому, что я не знала заранее, кто из моих персонажей лучше всех подойдёт на роль убийцы. Всё как-то само сложилось под конец...

— Как-то само? — Севастин осуждающе покачал головой. — Ты слишком не уверена в себе, Агата. Но ничего, сегодня вечером мы продемонстрируем наше достижение в сфере виртуального мира, и ты осознаешь в полной мере свой собственный вклад.

— Но я же ничего не смыслю ни в технике, ни в науке, — стеснялась я.

— А тебе это и не надо. Ты наша муза!

Он вновь приложил пальцы к губам, на этот раз чтобы послать мне воздушный поцелуй.

— До встречи внизу, в Безоблачном! — пружинистой походкой, словно пританцовывая, Севастин удалился прочь. А я долго ещё смотрела ему вслед. Потом пододвинула к себе блокнот и забегала пальцами по сенсорному экрану.

Глава первая: Красный

Пеленой холодных пуль
дождь окно закрыл, а ты
видишь красные зонты,
разрывающие тюль.
Без тепла горят костры
в оцифрованных холстах.
В них реален только страх.
Так зачем же код игры
запускаешь? В тьме пустой
пятен красных тишина
вспыхнет, треснет от огня
леденящим душу «Стой».
Точно старое кино
в виртуале проживаешь.
Чувствуешь: себя теряешь.
Сохранить хоть что-то б, но...
...До золы вдруг мир раздет
жарким пламенем дракона.
Красный — это до основы
обрушающий нас цвет.

Севастин... Кто бы мог подумать, что этот краснолицый весельчак — великий изобретатель и самый уважаемый человек нашего города! Удивительные идеи и оригинальные мысли сыпались из него, как искры из костра. Я знала его чуть ли не с рождения. Не лично, конечно, а из ежедневных новостей, из разговоров родителей и соседей. Благодаря Севастину Безоблачный прославился на все острова нашей планеты. Даже жители Континента внесли его в список самых популярных туристических направлений. Особенной известностью пользуются выпускаемые у нас книги с живыми иллюстрациями. Их читают и смотрят по вечерам в уютном семей-

ном кругу, ими украшают кофейные столики, а фрагменты анимированных историй даже вставляют в рамки.

О моих произведениях Севастин узнал благодаря моей сестре Фабрис. Она работает в его испытательной лаборатории. Когда-то сестра все уши прожужжала начальнику о выдуманных мною сказках. Севастин проявил вежливость и высказал желание взглянуть на рукописи. Я отобрала лучшие и передала их в Виртбук. Молчание длилось долго. Я умоляла Фабрис не навязываться и не втягивать меня в мир беспощадной конкуренции и жёсткого отбора. Каково же было моё изумление, когда однажды вечером Севастин самолично позвонил и пригласил в офис!

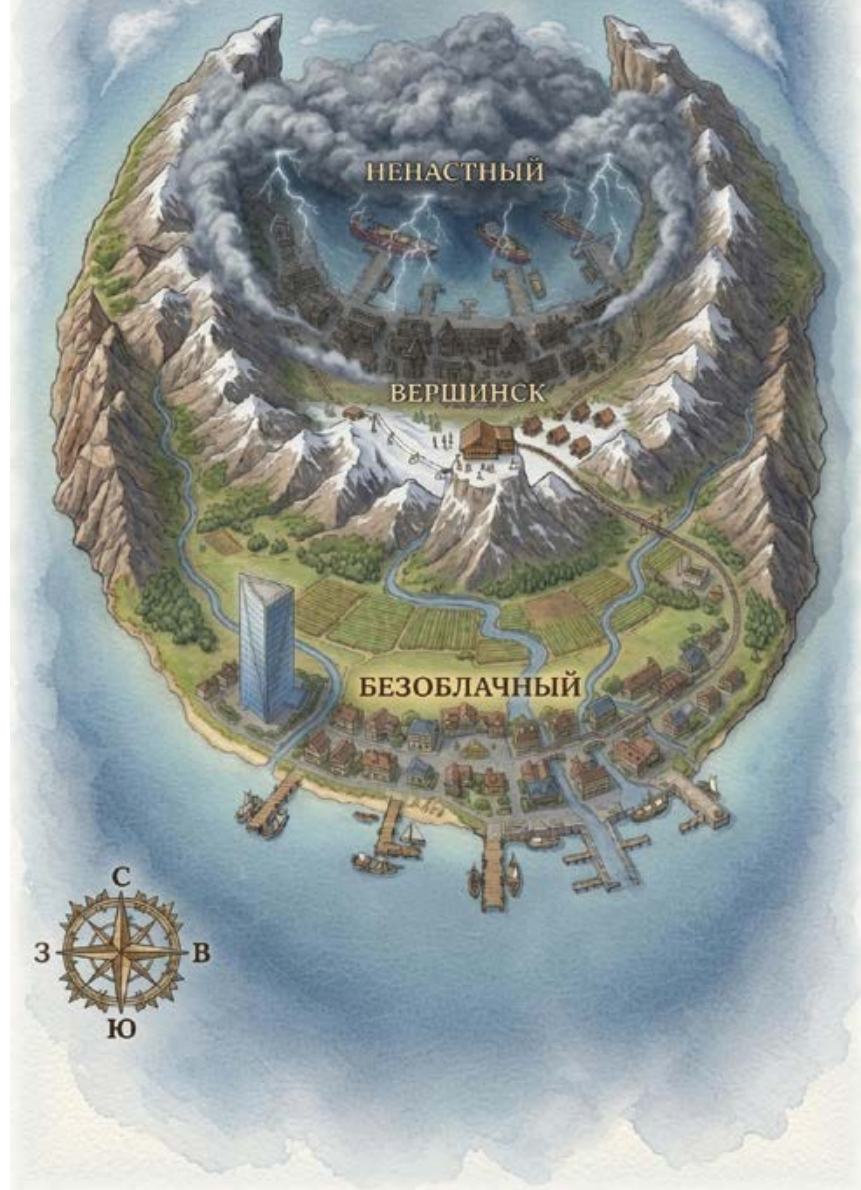
Глаза до сих пор слепит воспоминание о пронзительно-голубом небе на огромном экране, заменяющем окно над креслом Севастина. На цифровую поверхность стекла периодически наползали красные точки божьих коровок, словно только что выбравшихся из углов рамы после зимней спячки.

Красный... Я перевела взгляд на блокнот. Идея написать сборник рассказов о счастье появилась давно. Причиной, наверное, было моё вечное стремление препарировать и понять эту сложную концепцию. Я считала себя вполне благополучным человеком. И всё же... время от времени меня одолевали сомнения. Словно самый важный кусочек головоломки отсутствовал, и это мешало в полной мере насладиться завораживающим пейзажем кропотливо сложенного пазла жизни. Я понимала, что счастье многогранно, в нём тысячи оттенков, миллионы нюансов. Но если б мне удалось выделить хотя бы несколько универсальных формул и предоставить их на обозрение читателям, то, возможно, это помогло бы им стать увереннее в собственном видении этого зачастую непостижимого умом состояния.

Я вновь заскользила пальцами по экрану. В объятиях вдохновения я писала легко и быстро, полностью погружаясь в мир фантазий, забывая, где нахожусь и что происходит вокруг. К реальности вернул мягкий голос диспетчера. Следующий поезд из Вершинска до Безоблачного отправлялся через двадцать минут. Надо было на него успеть.

Вершинск — маленький городок, почти деревушка на вершине нашего острова. Головокружительная высота, нетающий снег и, разумеется, немалые вложения Севастина превратили его в настоящий зимний курорт. С крытой смотровой площадки на крыше был виден весь остров в форме подковы. Его так и называли — Подкова.

ПОДКОВА

В детстве мы с сестрой часто слушали бабушкины предания. Мне особенно нравилась история о табуне прекрасных межгалактических лошадей, несущихся сквозь Вселенную. Из-под их копыт огненным фейерверком разлетались звёзды, а из устроенного ими первозданного хаоса рождались новые галактики. Лошади мчались дальше — в небытие и легенды, оставляя повсюду сияющие следы, волшебные подковы. Наш остров — прямое тому подтверждение. Противоречия законам физики бабушку отнюдь не смущали. Меня — тем более.

На нашем острове было всего три города: Безоблачный, Вершинск и Ненастный. Безоблачный застроил собой горные склоны внешней стороны Подковы, обращённой к югу — навстречу океану и всему миру. Неизменно чистое небо и ежедневное солнце полностью оправдывали его название. Лишь на востоке и западе возвышались пышные многоэтажные облака, напоминающие фантастические замки. Очень редко к нам забредала одинокая туча. Но не успевала она поплакаться на свою горемычную жизнь, как её тут же сдувало ветром в океан. Однако от засухи мы не страдали. На самом пике острова громоздился ледник. Оттуда бежали беспокойные реки, холодные и кристально чистые. А над хребтами часто шёл снег из тяжёлых туч, которые время от времени наползали с севера, со стороны Ненастного.

Прежде чем уйти, я пересекла просторный павильон лыжного клуба и вплотную подошла к другому панорамному окну. Всегда так делала. Перед тем как сесть в поезд и вернуться домой, прижималась к холодному стеклу и вглядывалась в фиолетовые тучи, скрывающие под собой Ненастный. Было видно, как в них исчезает единственная железная дорога, ведущая к центру города. Жители Безоблачного считали Ненастный досадным недоразумением на карте, свалкой туч и дурного настроения. Я им верила. Но каждый раз замирала на месте, пытаясь разглядеть в густой мгле что-то... чего не могла назвать.

Отсюда хорошо был виден изгиб острова. Горные хребты тонули в тех пышных сказочных облаках, которые, опускаясь во внутреннюю часть Подковы, вдруг разбухали, как губки, подрагивали, клубились и время от времени светились изнутри молниями. Удивительное явление природы... Нам в школе пытались как-то его объяснить многочисленными холодными и горячими течениями, пронизывающими прибрежные воды океана. Я не слишком вникала. Мне не хотелось разрушать этот зловещий образ тёмного

царства, который рисовало моё воображение, когда я смотрела в сторону Ненастного...

Прибыл поезд. На платформу со смехом прыгнули молодые люди в ярких зимних куртках — парни и девушки, пожелавшие отпраздновать День Города на лыжах и в вихре снежинок. За ними тихо, незаметно следовали жители Ненастного. Их легко можно было узнать в толпе по неброской одежде и безучастному выражению бледных, лишённых загара лиц. Я постоянно видела их в кафе клуба. Они безмолвно сидели за столиками, преимущественно у северных окон, и отрешённо смотрели на далёкие вспышки молний. Когда я ловила на себе взгляд их тёмных глаз, казалось, будто они смотрят сквозь меня. Возникало неприятное чувство отчуждённости. Стоит ли упоминать, что выходцев из Ненастного не жаловали в Безоблачном — краю солнечного настроения, дружелюбия и оптимизма.

Я полной грудью вдохнула морозный горный воздух и юркнула в вагон нетерпеливо подрагивавшего состава. Внутри было тепло, вкусно пахло вишнёвым пирогом и облепиховым чаем. Я устроилась за маленьким столиком. Рассматривать пейзажи через огромное панельное окно — моё любимое занятие во время поездок из Вершинска обратно домой. Такими же сплошными стеклянными панелями вместо стен щеголяли и все жилые дома внизу. У нас обожали солнце и делали всё возможное, чтобы его лучи беспрепятственно проникали внутрь. Безоблачный жил напоказ, выставляя на обозрение гляцевые блики на полированной мебели и безупречный порядок гостиных. Я знала, что заглядывать в чужие окна не принято и даже неприлично, но ничего не могла с собой поделать.

Поезд стрелой нёсся вниз с едва слышным гулом и ритмичным постукиванием. Заснеженные склоны быстро сменились цветочными лугами, затем ухоженными полями, а ещё через мгновение — нарядными невысокими строениями. Здесь не было аэропортов или многополосных шоссе — только тихие трамвайчики и электрические поезда, скользящие по склонам, словно яркие бусины по нитке.

От конечной станции до моего дома оставалось каких-то пятнадцать минут ходьбы. Я любила эту неспешную прогулку. Выложенная серым камнем мостовая вела вниз. Отсюда открывался вид на кованую изгородь причала, а дальше простиралась синяя гладь океана, словно ещё одна гора с плоской вершиной, уходящей за край земли. Я сняла было толстую шерстяную кофту, согревавшую

меня в Вершинске, но тут же натянула её обратно: ветер, дувший с воды, пробирал до костей.

Взлетев на третий этаж самого крайнего на улице дома, распахнула дверь квартиры.

— Привет, мама! Привет, папа! — крикнула я с порога.

Никто не ответил. Вошла в гостиную. На столе у окна подрагивала голограмма родителей, почти прозрачная в лучах солнца. Они улыбались и махали руками, запрограммированные реагировать на звук моего голоса. Я тоже улыбнулась, и рука машинально взлетела вверх, чтобы помахать в ответ — этой призрачной, зацеленной любви, которая никогда не обнимет по-настоящему.

Бабушки дома тоже не было, но на кухне я увидела разложенные и полунарезанные овощи. Стало быть, бабушка вышла ненадолго и скоро вернётся. И точно! С лестничного пролёта раздался звук бодрых шагов. Не успела я удивиться тому, почему бабушка, подобно ретивой лошадке, скачет и перепрыгивает через ступеньки, как дверь шумно распахнулась, и я услышала звонкий голос Фабрис:

— Привет, мама! Привет, папа!

Голограмма родителей, оживившись, вновь взмахнула в воздухе руками.

— Что-то случилось? — спросила я сестру. Фабрис редко возвращалась домой раньше девяти вечера.

— Ничего примечательного! — отозвалась та. Из её комнаты доносился громкий шорох и скрежет металла. — Где моё выходное платье?! — Сестра выбежала в коридор. Её щёки горели возбуждённым румянцем, а в руках ходуном ходили вешалки с нарядами самых сочных расцветок. — Оно висело в углу шкафа! Оранжевое!

— Ты отдала его в чистку в начале недели, — спокойно ответила я, уже привыкшая к импульсивному и взрывному характеру Фабрис.

Отбросив вещи в сторону, она выскочила в прихожую и вернулась с аккуратно завернутым в чехол платьем. Чехол тут же был сорван.

— А ты что наденешь? — Фабрис с наслаждением завертелась перед зеркалом.

— Пожалуй, комбинезон. Вечером будет холодно.

— Что?! Ты же надевала его в прошлом году!

— Разве? — наморщилась я, сиюсь вспомнить. — И что с того?

— Да никакая уважающая себя девушка не появится в одном и том же наряде в День Города! — веско заявила сестра и снова скрылась за дверью.

Когда она вернулась, в её руках полыхала алая ткань.

— Это и только это! — категорично отчеканила Фабрис. — И волосы не забудь распустить. Твоя растрёпанная коса сельской девицы уничтожит эффект любого платья!

«Ах, этот красный цвет!» — мысленно возликовала я, принимая свой вечерний наряд. Потом перевела взгляд на Фабрис. Оранжевый... Это знак судьбы, не иначе!

— Так ты вернулась, чтобы переодеться?

— Не могла же я заявиться в лабораторию при полном параде! С утра намечались проверочные испытания. Всё-таки новое изобретение Севастина — истинное чудо! Сенсация! — глаза Фабрис загорелись, она любила свою работу до безумия. — Только представь себе! Теперь твои книги смогут смотреть, как кино. Видеть всё твоими глазами, погружаться в твой мир, как в захватывающую виртуальную игру!

Меня передёрнуло. Надо признать, раньше я не сильно задумывалась над возможностями, которые открывало детище нашего великого изобретателя. «Видеть всё моими глазами» показалось мне слишком интимным, пугающим нюансом.

— А чем плохи голографические книги?

— Это старьё? — презрительно фыркнув, Фабрис подхватила с тумбочки книгу и демонстративно раскрыла её. Со страниц взвился в воздух дракон. Его длинная шея изогнулась, и в меня уткнулась безобразная морда. От неожиданности я выронила платье и отпрянула.

— Терпеть не могу этот момент! Почему она всегда здесь открывается?! Опять ты неаккуратно читала? Сколько раз говорила, нельзя книги перевёрнутыми оставлять!

— Это ты у нас сказками увлекаешься... да бабушка. А где, кстати, бабушка? — Фабрис заглянула в кухню. — Она что же, ужин собралась готовить? — сестра озабоченно покачала головой. — Неужели у неё с памятью плохо стало? Я ведь ещё вчера предупредила, что нас вечером не будет!

— У бабушки с памятью всё в порядке! — ухмыльнулась я и многозначительно кивнула на стол, угол которого виднелся через открытую балконную дверь. В нашем городе почти во всех квартирах имелись остеклённые балконы. Рамы можно было сдвигать, но мы редко это делали, потому что жили на набережной. Балкон буквально висел над океаном, и ветер продувал насквозь.

— Ого-го! — восхищённо воскликнула Фабрис, разглядывая изящную сервировку стола. — И кого же мы ожидаем вечером?

—Предположу, что это господин Опус.

—Булочник?! — удивилась сестра.— В прошлом году, помню, был какой-то моряк.

— Был да уплыл,— рассмеялась я.— Бабушка придерживается твоего же мнения о нарядах: никакая уважающая себя бабушка не появится с одним и тем же кавалером в День Города!

— Кстати, а ты выбрала кого-нибудь на сегодняшний вечер? Или опять сбежишь на крышу со своим блокнотом?

— Крыша — идеальное место для любого праздника! — уверила я.— Там столько звёзд! Столько фантазий возникает, сюжетов. Романтика! В детстве я верила, что однажды сумею схватить комету за хвост и умчаться с ней в другую галактику...

— А подхватывала лишь воспаление уха,— скептически хмыкнула сестра.— Так дальше нельзя, Агата. День Города для того и придумали, чтобы люди знакомились, узнавали друга друга. Чтобы сблизить жителей Безоблачного! — горячо восклицала она.— Ведь сегодня необязательно проводить время с кавалером, можно просто обзавестись новыми друзьями. В лаборатории есть несколько интересных кандидатур. Хочешь, представлю их сегодня вечером?

— В этом нет нужды,— насупилась я.— Севастин уже организовал свидания для всех.

— Кого же он сулит тебе в ухажёры?

— Коля.

— И Колль согласился?

— Сомневаюсь, что его спрашивали,— я с удивлением взглядела в изменившееся лицо сестры.

— Не понимаю, зачем тебе вообще свидание! — проворчала та, мгновенно позабыв о своей недавней пылкой речи.— Ты живёшь и спишь с героями своих сказок! — в её голосе звучало искреннее возмущение, а смотрела она на меня с той же обидой, что и в детстве, когда бабушка заставляла её делиться со мной игрушками.

Фабрис снова открыла рот, чтобы наверняка послать меня с моими героями на крышу ловить за хвост кометы, когда послышался скрип двери. Бабушка вернулась, а при ней мы никогда не ссорились.

На пороге возник букет цветов. Настолько огромный, что он едва втиснулся в дверной проём.

— Вы обедать пришли? — поприветствовал букет голосом бабушки. Цветы сдвинулись в сторону, и на нас уставились чёрные круги солнечных очков.— Учтите, обеда нет,— бабушка, склонив

голову, лукаво посмотрела поверх оправ, — разве что вы поможете его приготовить.

— Конечно, поможем, — улыбнулась я и перехватила букет, чтобы поставить его в вазу.

— Нет уж, увольте! — Фабрис сгребла в охапку платье и попятилась к выходу. — У меня куча дел перед показом. Сегодняшний вечер должен быть на высоте! От этого зависит репутация Виртбука. Тем более что у нас будет особенный гость, — таинственно добавила она.

— Что за гость? — встрепелась я: любой намёк на тайну будоражил моё любопытство и, как следствие, воображение.

— Не знаю, — пожала плечами Фабрис, — но, насколько я поняла, именно ради него Севастин развернул бурную деятельность по организации корпоратива. Такого размаха давно не видывали. Не опаздывай! — бросила она мне, и через мгновение её каблуки уже цокали по лестничному пролёту.

— И в кого она такая непоседливая? — проворчала бабушка. — Дома совсем не бывает. Впрочем... — она окинула меня неодобрительным взглядом, — ты не намного лучше.

— Как это?! — возмутилась я. — Я дома постоянно!

— Физически — да, а так и нет тебя будто. В каких таких облаках витаешь — мне неизвестно. Но тут хотя бы всё понятно: ты в отца пошла. Он тоже... — бабушка выразительно крутанула ладонью у виска, — философ-мечтатель.

Я невольно бросила взгляд на голограмму родителей. Даже на ней папа смотрел куда-то вдаль, за некий невидимый горизонт, за границу нашего мира.

— До сих пор удивляюсь, как это он решился уехать на Континент, — продолжала бабушка, — оставить любимую работу, покинуть единственного друга! Наверняка твоя мать настояла.

— Мама всегда любила путешествовать.

— Да уж. Иногда я думаю, что скорее Фабрис её дочь, а не ты.

Стоит пояснить, что Фабрис мне не родная сестра. Она — дочь лучшей подруги мамы. Фабрис лишь на месяц меня старше. Родители удочерили её, когда ей исполнилось четыре года. Тогда погибли её родители. Они разрабатывали план прокладки тоннеля сквозь наш остров. Благодаря ему мы надеялись улучшить сообщение с Ненастным. Ведь на скоростном поезде через этот тоннель можно было бы добираться до соседнего города за считанные минуты, а не переваливать каждый раз через Вершинск. Но что-то пошло не так. Поговаривали о диверсии. Мол, кто-то умышленно

устроил обвал. Жители Безоблачного обвиняли жителей Ненастного, и наоборот. Отношения окончательно испортились. Проект закрыли, а заваленный тоннель зарос вьюном и жуткими историями о привидениях, в которые якобы обратились не нашедшие покоя души погибших.

Ещё девочкой я часто бегала к завалу. Всматривалась в чёрные щели меж камнями, вслушивалась в завывание ветра, водила пальцами по фрагментам треснутой входной арки, выложенной в виде подковы. И фантазировала... О, какие леденящие кровь сюжеты рождались тогда в голове!

Далёкие воспоминания о заброшенном тоннеле всколыхнули память. Я словно наяву услышала хлопанье плотной ткани — длинного куска транспаранта, зацепившегося за острый камень. Ветер безжалостно трепал и рвал его. На выцветшей материи всё ещё можно было разобрать рекламу электричек, которые обещали запустить между городами. Она выглядела теперь как насмешка на фоне нацарапанных на скале молитв, просьб о прощении, призывов к мести. Тот же ветер звонко перекачивал по земле маленькие металлические подсвечники. Выпавшие свечи, запылённые и грязные, прилипли к потемневшим обрубкам шпал. Проложенные когда-то рельсы выныривали из-под завала и обрывались в нескольких шагах от него. А в прорехи между камнями забились увядшие лепестки цветов, которые жители Безоблачного долгое время приносили на место трагедии.

Тут в шум ветра и бряцание подсвечников вклинился иной звук. Цокот копыт и дробь отлетающей гальки. Он удвоился эхом и гулко забарабанил по ушным перепонкам. Будто стадо горных козлов пронеслось мимо меня.

Я вздрогнула. Так давно не слышала этот цокот! Так давно не вспоминала того, кто был моим неразлучным спутником в детстве, благодаря кому я не боялась лазать по жуткому завалу и давать волю воображению, придумывая душещипательные истории о пещерных духах. Мой самый удачный вымышленный персонаж. Мифическое существо. Фавн. Невидимой тенью он следовал за мной повсюду. Он появлялся, когда я оставалась одна, и слушал мои немыслимые выдумки. Молчаливо, с интересом. Меня вдохновляло его внимание. Порой я так углублялась в дебри собственной фантазии, что начинала путать реальность с небылицами, и тогда фавн приходил на помощь: выводил меня из чащи заколдованного леса, вытаскивал из непроходимого болота, выуживал из глубин подводного царства. А когда он внезапно исчез, я осознала,

что так и не придумала ему имени. Значит — даже позвать не могла. Я продолжала его воображать, но образ получался размытым, как отражение в зыбкой воде. Постепенно пропало и то согревающее чувство присутствия рядом друга.

На этом месте мои воспоминания вдруг оборвались. Я перевела удивлённый взгляд на бабушку:

— У папы был один-единственный друг?

— У твоего отца было множество друзей, — сняв наконец солнечные очки, бабушка уселась за стол рядом с голограммой родителей, — но лишь один, с которым он любил проводить время, а не просто поддерживал отношения, дабы удовлетворить потребности твоей матери в постоянном общении с людьми.

Пришлось снова напрячь память. Перед глазами всплывали многочисленные лица, но они наверняка принадлежали тем «друзьям», о которых бабушка говорила с нескрываемым пренебрежением. Я устремила взгляд сквозь балконную дверь в океан. Размытое видение громоздким тёмным пятном затенило синеву воды.словно могучий медведь заслонил солнце. И снова цокот копыт. Прямо здесь, на паркетном полу! Эти два воспоминания тесно и странным образом переплелись друг с другом.

— Вспомнила! — радостно воскликнула я. — Папиного друга! Большой, с бородой, пах рыбой и представлялся мне сказочным рыбаком-великаном. Они с папой сидели вот здесь, на балконе, пили чай и... молчали, — я тоже сконфуженно умолкла.

— Всё верно, — кивала бабушка, — именно молчали. Мне порой думалось, что они ведут некий мысленный диалог. Твою мать это выводило из себя. Она любит потрепать языком. Фабрис лишь внешне похожа на своих родителей, а по характеру она — вылитая твоя мать.

С этим было сложно не согласиться. У мамы и Фабрис столько общего! Их любовь к ярким одеждам и весёлым компаниям не раз вызывали у нас с папой желание исчезнуть. Мы сбегали с ним на крышу, чтобы отдохнуть от шумной тусовки и пёстрых, кричащих цветов, сидели там и в унисон молчали в окружении тайн глубокого чёрного космоса. (Тоже молчали!..) Даже теперь, когда звонила мама, после короткого обмена приветствиями она требовала к телефону Фабрис. Им обоим нужно было выплеснуть накопленное за день. А с папой... мы говорили редко. Молчать в трубку было странно и совсем не так, как на крыше или у нас на балконе в присутствии океана — того же безграничного космоса.

— Он ведь жил в Ненастном, — продолжала тем временем бабушка, — тот друг твоего отца. И на самом деле был рыбаком. При-

возил улов в Безоблачный на продажу. А когда наши отношения с Ненастным охладели, видаться стали всё реже и реже...

Бабушка говорила ещё. Возможно, критиковала неугомонный характер мамы, как всегда. Я же пыталась воссоздать в памяти образ папиного друга. Судя по всему, папа его очень ценил. Меня не покидало ощущение, что этот великан сыграл не последнюю роль и в моей жизни. И когда их с папой пути разошлись, меня тоже лишили чего-то значимого...

Я сделала шаг в сторону балкона. Сердце вдруг стиснуло внезапное чувство ностальгии. Рамы сами собой раздвинулись, и мои щёки обжёг холодный ветер. Когда приходил папин друг, папа открывал все окна, и дом пропитывался свежестью океана. Вот и на этот раз, как наяву, насыщенный морской воздух наполнил лёгкие. Глаза ослепили солнечные блики на поверхности воды, и на их фоне возник медвежий силуэт рыбака. Он облокотился о перила балкона и смотрел вдаль. Ветер трепал его бороду, и взлохмаченные курчавые завитушки на голове вертелись из стороны в сторону. Карие, немного грустные глаза, прямой нос и впалые щёки как-то не очень сочетались с его крепким телосложением. Я напряглась, чтобы вспомнить его голос, но всё, что услышала, — звонкое цоканье за спиной. Резко обернулась. Никого. Даже бабушки в комнате уже не было. Лишь из кухни доносились глухие удары ножа о разделочную доску.

Безоблачный заселяли самые жизнерадостные люди. Если кто и знал толк в подлинной гармонии жизни, то это наши горожане. Поэтому я была уверена, что с лёгкостью наберу сюжетов для нового сборника на все цвета радуги. Стоит только приглядеться и увидеть, прислушаться и услышать захватывающую историю чьей-то жизни. Именно этим я и занималась по дороге к зданию Виртбука. Единственное многоэтажное, оно возвышалось на западе. Его построили на плато у самых гор, в стороне от жилых кварталов, чтобы оно своей массивностью не затеняло уютные домики.

Обхватив плечи руками, я поднималась по мощённой камнем дороге. Вечернее солнце ещё припекало, но ветер уже пощипывал кожу сквозь тонкую материю. Я ловила своё отражение в чистых широких окнах домов: алый цвет наряда сочно выделялся на фоне пастельных стен. Длинная юбка ластилась к ногам и ярким флагом развевалась за спиной, а распущенные волосы золотыми языками тянулись к небу. Я походила на озорной огонёк, который скользил по нити мостовой, рассыпая искры закатного солнца, запутавше-

гося в блёстках ткани. Впрочем, не скользил — шёл неспешной походкой. Вечернее платье — не самый удачный наряд для пеших прогулок, но нести его в руках из дома было бы ещё утомительнее и нелепее. О том, чтобы вызвать такси или сесть в трамвай, я даже не подумала. Я любила ходить пешком и уже предвкушала, как потом буду возвращаться обратно: сначала вниз, к океану, а потом — вдоль набережной.

Задерживаться долго в Виртбуке я не собиралась. Да, было интересно взглянуть на демонстрацию возможностей изобретения Севастина, но навороченные технические штуки волновали меня гораздо меньше шума волн и черноты океанской воды в безлунную ночь. Правда, Севастин пророчил «незабываемый вечер» в компании Колля. Так не хотелось разочаровывать ни того, ни другого! Впрочем, я вряд ли могла стать музой для Колля, да и переходить дорогу Фабрис не входило в мои намерения: судя по всему, у неё имелись виды на технического директора. К счастью, уклоняться от навязанных ухаживаний я умела. Не то чтобы была против отношений. Только отчего-то разговоры о банальной повседневности быстро надоедали. Я начинала фантазировать, отвлекаться. Собеседник обижался, обзывал меня странной, равнодушной и уходил. А я даже не всегда это замечала...

Я остановилась у подножия лестницы, ведущей к главному входу. Уличный художник талантливо расписал её марш, превратив в гигантский водопад. Во время подъёма рисунок на ступенях смещался и дробился, создавая завораживающую иллюзию движения потока. Покачиваясь на первой ступеньке, я никак не могла избавиться от наваждения, что огромная масса воды низвергается прямо на меня. Кожей явственно ощутила иголочки холодных брызг, а уши вдруг наполнил монотонный глухой гул.

— Привет, Агата. Сногсшибательно выглядишь!

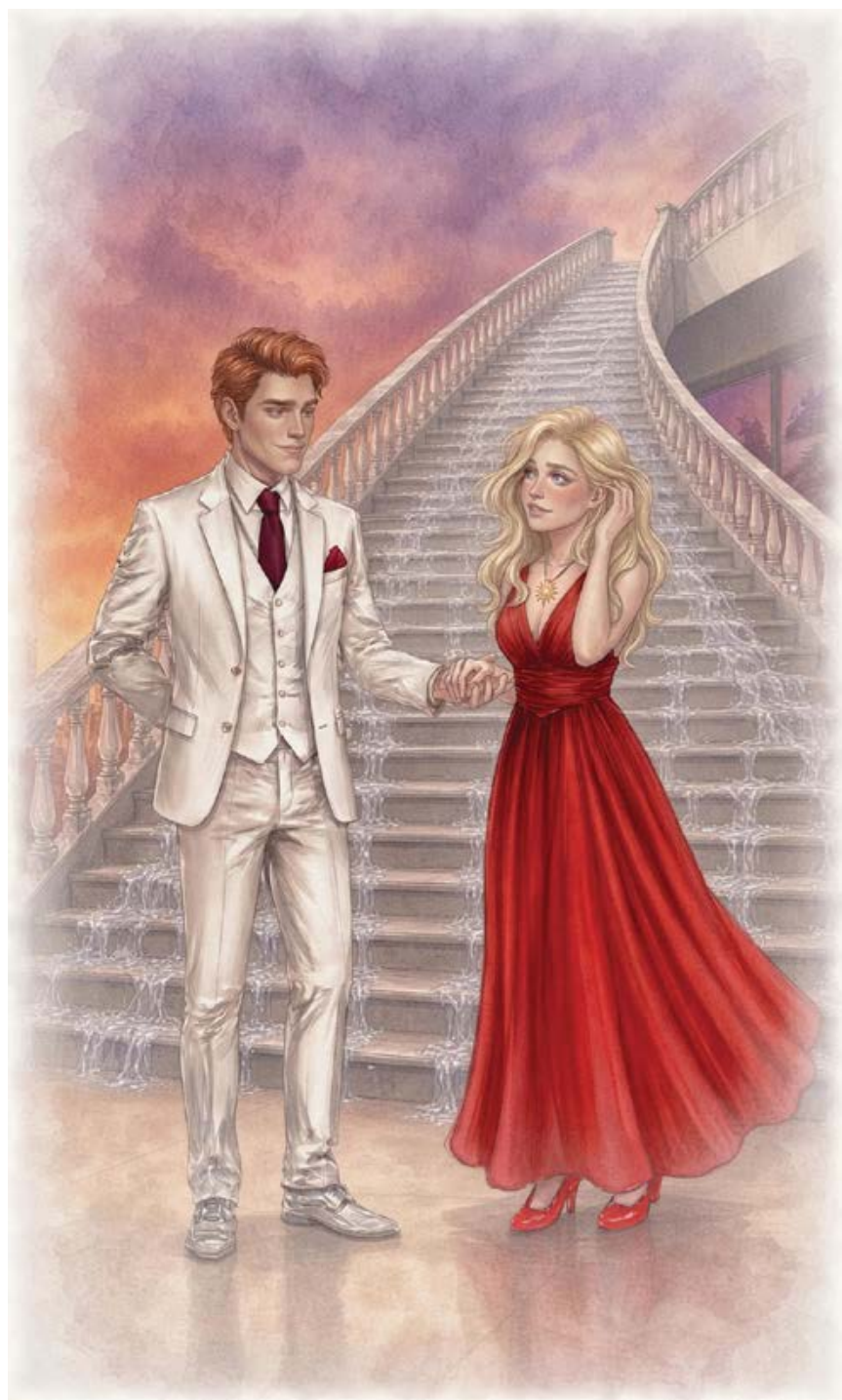
Грохот водопада резко заглох. Голова пошла кругом, и я едва не оступилась.

— Добрый вечер, Коль, — улыбнулась я молодому человеку. Он привычным жестом подхватил меня под локоть, точно знал: во власти собственного воображения я не сумею самостоятельно обрести равновесие.

Коль смотрел снисходительно, но по-доброму.

— Ты пришла слишком рано. Показ начнётся лишь через час.

— Опять не рассчитала время, — я смущённо пожала плечами, не в силах отвести взгляд от его небесно-голубых глаз. В своём парадном белом костюме он так походил на главного героя моей

сказки! Лишь алый галстук выдавал в нём сына Севастина. Пытаюсь подражать (или угождать?) отцу, Колль всегда добавлял к одежде его любимый цвет.

Пальцы, поддерживавшие мою руку, разжались. Рождённая теплом его ладони летняя картина ржаного поля с порхающими мотыльками тут же рассеялась. И я внезапно ощутила прохладный вечерний воздух, в который раз пожалев, что поддалась на уговоры сестры и не надела платье потеплее.

— В таком случае пойдём со мной, — пригласил Колль. — У нас сейчас короткое совещание, чтобы, так сказать, учесть непредвиденные обстоятельства. Хотя тебе, наверное, будет скучно. Сплошная рутина, никакого волшебства, — его губы тронула усмешка.

— Ты, как и Фабрис, не поклонник сказок?

— Агата, твои сказки замечательны! Только они... м-м-м... — Колль замялся, подбирая слова потактичнее, — не совсем применимы к жизни. Представления о чувствах и морали давно изменились. Небылицами об искренней любви сейчас никого не прельстишь, разве что мечтательных подростков.

Он красноречиво кивнул в сторону двух девочек в бальных пачках. Они плавно двигались, пританцовывая в такт неслышной музыке или песне ветра. Пышные оборки накидок напомнили мне крылышки фей. Морской бриз задул сильнее, подхватил балерин и унёс их ввысь. А вместе с ними и меня — туда, где нет «целесообразности» и «рутины»... Пока голос Колля не вернул обратно:

— Я очень доволен, что тебя уговорили на детективный сюжет. Правда, в твоём сказочном исполнении он получился... м-м-м... весьма необычным. Однако отец уверен: в качестве игры он произведёт фурор, а у меня нет оснований не доверять его интуиции. Тем более что созданная нами графика великолепна!

Мы стали подниматься по ступеням водопада. Колль продолжал говорить. Вроде бы хвалил моё творчество, но в голове осели лишь непревзойдённая гениальность его команды инженеров-программистов и, разумеется, собственные заслуги технического директора. Всё-таки в образе странствующего рыцаря Колль мне нравился гораздо больше...

Архитектура Виртбука поражала оригинальностью. Многоэтажная спираль разнокалиберных офисов, научных отделов и лабораторий формировала своеобразный полый цилиндр, внутри которого разместился смотровой зал. Сверху, словно огромным

колпаком, это футуристическое сооружение накрыли стеклянной многогранной призмой. Лучи солнца пронизывали её насквозь, освещая вереницу дверей, чередовавшихся двумя цветами, будто клавиши невиданного фортепиано. Белые и... красные. Правда, сейчас интерьер компании заливали оранжевые краски заката, поэтому контрастность «клавиш» смягчилась. И лишь окна, прорезавшие внутренние стены, поглощали солнечные лучи матовым, непроницаемым покрытием — в кабинетах переменчивый дневной свет полностью заменялся постоянным искусственным.

Под призматическим куполом к самому потолку стремились стеклянные шахты лифтов. От них к каждому витку спиральной галереи, соединяющей входы в рабочие секции, тянулись прозрачные переходы-мосты. Всё просматривалось насквозь. Красиво, но на мой взгляд — холодно. Даже выставленные между подъёмниками дисплеи с голографическими иллюстрациями самых популярных книг, изданных Виртбуком, не придавали атмосфере уюта.

Я подняла глаза. Прозрачные стеклянные грани словно растворялись в бесконечной синеве. Казалось, здание переросло горы и уткнулось в небо. Кабинет Севастина располагался под самым куполом, откуда, должно быть, весь Безоблачный открывался как на ладони.

— Все наши в техническом, — сообщил Колль, направляясь к лифту.

Я неуверенно последовала за ним. Лишь раз до этого довелось пройти мимо лабораторий. Тогда шум кондиционеров и несмолкаемое попискивание суперкомпьютеров отпугнули меня.

В лифте снова закружилась голова — от бешеной скорости и вида стремительно удалявшегося пола. Мысленно я вылетела за пределы Виртбука, а потом и нашей планеты. Солнечные блики на стенах кабины обернулись россыпями звёзд. Трубный мост закрутился разноцветными клубами галактического пара, но это навязание быстро развеял нетерпеливый жест Коля, предлагавшего мне выйти первой.

Святая святых инженерной мысли оказалась просторным помещением, вместившим в себя несколько независимых зон. На высоте, на разных уровнях, то и дело открывались и закрывались двери. Работники по узким переходам и лестницам сновали между навесными ярусами со сложной сверхсовременной аппаратурой. Широкие плоские мониторы, исчерченные бегущими кодами, летали вверх и вниз, с этажа на этаж. Те же непонятные символы рекой текли по вертикальной панели в самой середине зала — бес-

конечный цифровой водопад, льющийся от потолка к центральной площадке. А там, внизу, лаборанты возбуждённо стучали пальцами по сенсорам. Что такого удивительного они видели в этих иероглифах, мне было невдомёк.

Я отошла в сторону, чувствуя себя не в своей тарелке. И, пожалуй, немного испуганная размерами зала и масштабами развернувшейся перед глазами деятельности. А ведь эта зона считалась одной из самых компактных в здании. Где-то ещё находились производственный сектор, административный, рекламный и так далее. Фабрис не раз предлагала устроить мне экскурсию, но я всегда находила отговорку и отказывалась. Это был её мир, не мой.

Заливистый смех я услышала раньше, чем увидела его обладательницу. Да и узнала сестру не сразу в этой строгой офисной робе, которая поверх оранжевого платья смотрелась странновато. Только сейчас я заметила искристые яркие юбки и костюмные брюки ослепительно-белого цвета, выглядывавшие из-под серых рабочих туник мельтешивших вокруг людей.

— Привет, Агатка! — подбежала ко мне Фабрис. — Отлично, что ты уже здесь. Сейчас всех тебе представлю! Привет, Колль, — гораздо мягче добавила она, и её щёки тут же покрылись нежным румянцем.

— Добрый вечер, Фабрис, — улыбнулся тот. — Заключительный прогон программы удался?

— О да! У меня до сих пор мурашки по коже. А ведь я участвую в этом не первый раз. Публика будет в абсолютном шоке!

— Главное, чтобы инвесторы с Континента оценили, — хмыкнул проходивший мимо сотрудник.

— К нам приедут зарубежные гости? — вступила я в разговор. — Просто деловые партнёры или кто-то особенный? — мне всё никак не давало покоя утреннее упоминание Фабрис о таинственном визитёре. Да и Севастин намекал на сюрприз. Значит, намечалось что-то действительно из ряда вон изысканное.

— У нас каждый спонсор на вес золота, а потому — особенный, — с достоинством произнёс Колль. — Но если ты спрашиваешь о том, ради кого отец устраивает это грандиозное шоу, то ответ прост: ради своего брата.

— О! Я и не знала, что у тебя есть дядя! — воскликнула Фабрис.

Я с лёгкой усмешкой наблюдала, как во время разговора сестра миллиметр за миллиметром подступает к техническому директору.

— Есть, — скривил губы Колль. — Без малого двадцать лет мы не пересекались, и вдруг он сваливается как снег на голову. Я бы

этого Руана и на порог не пустил. Не понимаю, почему отец благоволит ему.

— А что случилось двадцать лет назад? — поинтересовалась я.

Коль наморщил лоб.

— Плохо помню. Отец терпеть не может говорить об этом. Я так понимаю, что Руан некрасиво проявил себя во время разбирательства дела об обвале тоннеля. Он встал на сторону Ненастного. Именно из-за него обострились и без того прохладные отношения между городами. Мне неприятно это вспоминать, — Коль нервно передёрнул плечами.

— Конечно-конечно, мы и не будем об этом больше говорить! — Сестра уже совсем вплотную приблизилась к предмету своего обожания и, ловко подцепив пальцами его ладонь, сжала её — участливо и в то же время крепко. — Во всём надо видеть плюсы. Ведь благодаря приезду твоего дяди нас ждёт завораживающее представление, изысканный ужин и танцы! Проект завершён. Испытания прошли успешно! Мы все имеем право расслабиться и повеселиться от души!

— Имеем! — дружно поддержали её коллеги.

Казалось, каждый был занят своим делом, но в действительности все чутко прислушивались к разговору. Судя по всему, команде Виртбука давно уже не терпелось покончить с изнурительным, хоть и захватывающим процессом создания, чтобы наконец насладиться заслуженным триумфом.

— Разумеется, — благодушно улыбнулся Коль и окинул взглядом своих подчинённых. — Я бесконечно благодарен каждому из вас за проявленное усердие и выдержку на финишной прямой. Уверен, этот вечер войдёт в историю компании и прославит имя каждого сотрудника!

Коль говорил с вдохновением. Ему, очевидно, нравилось выступать перед публикой и привлекать всеобщее внимание. К досаде Фабрис, он высвободил руку и принялся ходить по залу, чтобы его было видно и слышно со всех ярусов. Он словно стоял на сцене и, возможно, уже мысленно слышал шум оваций. Моё воображение мгновенно нарисовало широкие лучи прожекторов и Колля в точке их пересечения. Один из них попал мне прямо в глаза, и я зажмурилась. На самом деле в лицо ударил настоящий луч солнца: он пробился сквозь дверной проём, затмив собой монотонное освещение комнаты.

Коль к этому времени совсем разошёлся и, артистично раскинув руки, медленно обводил ими пространство лаборатории.

— А теперь давайте снимем надоевшую рабочую форму и покажем жителям Континента, как умеют веселиться в Безоблачном!

— Ура! — прокричал кто-то эмоциональный сверху и первым сбросил серую робу. Халат упал к ногам человека, который только что вошёл в отъехавшую дверь.

Вымышленный мною свет прожекторов погас, а с красивого лица Колля тут же спало вдохновенное выражение. Он недовольно поморщился.

— О, Дарко, нет! — «поприветствовал» Колль вошедшего. — Сегодня у нас парадный дресс-код! Это значит, количество белого цвета в одежде должно превышать пятьдесят процентов. А ты только посмотри на себя!

Все обернулись на объект раздражения начальства. Даже те, кто трудился на верхних уровнях, свесились с перил, чтобы лучше всё рассмотреть.

Появившийся в дверях главный инженер даже бровью не повёл на замечание директора. Он явно знал себе цену.

— Это что, свитер твоего прадедушки? Таких оттенков коричневого просто не существует в современном мире моды, — продолжал отчитывать Колль. — А ботинки-то, ботинки! Это у вас там, в Ненастном, грязь на улицах месяц! А у нас улицы чистые, и можно не бояться ходить в приличной обуви... Если она, конечно, имеется.

Размеренным, уверенным шагом Дарко прошествовал мимо нас. В его тёмных глазах мелькнуло презрение к Коллю, да и, пожалуй, ко всем нам.

— И почему ты появился лишь сейчас? — не унимался Колль. — Мы с утра перепроверяем системы!

«Мы» было сказано, на мой взгляд, немного заносчиво, учитывая, что сам директор лишь недавно почтил своим присутствием лабораторию.

Дарко с неохотой остановился.

— А я вам ещё вчера сказал, что системы работают исправно, — резко ответил он. — Если вам охота тратить время и ресурсы впустую, это ваше дело.

Не дожидаясь реакции начальства, Дарко скрылся в центральной кабине управления. Все дружно перевели дыхание и посмотрели на Колля. Тот стоял, подбоченясь, и неодобрительно качал головой.

— Жители Ненастного нам всю атмосферу портят! Им тут не место! Не понимаю, зачем отец его вообще держит.

— Севастин ценит его потому, что Дарко — талантливый инженер.

Это сказала я, ибо другие ни за что не решились бы так нагло ответить своему негодующему руководителю. Хотя втайне со мной были согласны почти все. Сколько раз я слышала, как Фабрис восхищается профессионализмом Дарко, что, впрочем, сразу перечёркивалось потоком критики и презрительных замечаний в его же адрес.

— Да ладно! — фыркнул Колль. — У нас и своих специалистов хватает. У него есть что-то на отца. Головой ручаюсь, — хмуро и уже тише добавил он.

— А где сам Севастин? — решила я отвлечь его от неприятных мыслей. — Он уже вернулся из Вершинска?

— Отец снова туда ездил? — ещё сильнее нахмурился Колль. — Он проводит там больше времени, чем в Виртбуке.

— Все знают, как он влюблён в свой горный комплекс, — пожалала плечами Фабрис. — Ведь он столько лет потратил, чтобы превратить эту забытую богом деревню в настоящий зимний оазис!

— Возможно, Севастин планирует отойти от дел и полностью переключить внимание на Вершинск? — предположила я и вздрогнула от внезапного ропота.

— Севастин не может выйти на пенсию! Слава Виртбука померкнет без его новых изобретений! Производство застынет! Мы потеряем инвесторов, а Безоблачный лишится туристов... — посыпалось со всех сторон.

Фабрис бросила на меня осуждающий взгляд, а Коллю пришлось выступить с новой речью. Не такой вдохновляющей и убедительной, как прежняя, но она всё же возымела действие, и беспокойный гул в зале утих.

Следующий долгий, изнурительный час я провела в компании Фабрис. Она скороговоркой знакомила меня с каждым встречным. Я и десятка имён не запомнила, даже тех, на кого «стоило обратить внимание». Понятное дело, сестра из кожи вон лезла, чтобы увести мои мысли от Колля. Хотя я честно пыталась ей втолковать, что мне абсолютно всё равно, с кем коротать этот вечер: в компании ли её ненаглядного босса, их зануды финансового директора или задиры и выскочки Фальмуса, которому, надо сказать, я искренне симпатизировала.

— Фальмус? — оживилась Фабрис. — Если верить кулуарным сплетням, именно его Севастин вознамерился подсунуть мне сегодня вечером.

— Уж не сам ли он пустил этот слух? — рассмеялась я, зная авантюрный характер лаборанта и его открытое расположение к моей сестре. Хотя, учитывая последнее, Севастин и правда мог решить, что между ними что-то есть, и попытаться устроить им свидание.

— Вряд ли. Я его вообще с утра не видела, — Фабрис завертела головой, сиюсь разглядеть коллегу в пёстрой толпе сотрудников Виртбука. — Но, раз Дарко пришёл лишь сейчас, не удивлюсь, если этот нарушитель спокойствия заявится ещё позже.

— Любопытно, что именно его назначили помощником вашего главного инженера. Они же такие разные!

— Ах, да именно поэтому! — прыснула Фабрис. — Колль просто хотел досадить Дарко. Ведь больше никто с нашим прохиндеем работать не соглашался. Подозреваю, Колль рассчитывал, что Фальмус достанет Дарко своим жизнелюбием. Он же из Ненастного. А там все лишены понимания радости и счастья.

— Счастья? — встрепелась я. — Ты серьёзно считаешь, что в Ненастном люди несчастны?

— Конечно! Ведь у них никогда не бывает солнца!

Это был веский аргумент с точки зрения истинного жителя Безоблачного. Я, понятное дело, спорить не стала.

— Скоро начнётся показ! — спохватилась вдруг Фабрис. — Пойдём быстрее, займём места получше.

Самое время было покинуть технический отдел. Монотонное жужжание машин начало действовать мне на нервы. словно невидимые обручи сжали голову, мешая рождаться тем самым нелогичным, «бестолковым» фантазиям, без которых я не могла существовать. Я охотно выбежала вслед за сестрой в свободное и высокое пространство призмы.

Смотровой зал, где должна была состояться презентация виртуальной игры по мотивам моей сказки, занимал всю цилиндрическую сердцевину Виртбука. Когда он пустовал, далеко в вышине сквозь стеклянную крышу виднелось чистое небо. Но во время показов из ниш выдвигались механические чудовища и заслоняли высь, превращая зал в герметичную ловушку для воображения.

Я ещё ни разу не присутствовала на официальных презентациях. Обычно они оставались закрытыми для посторонних и ориентировались исключительно на инвесторов и заказчиков с Континента. Впервые Севастин пригласил на просмотр всех работников и даже открыл двери городской прессе. Надо понимать, ожидалось, что его новая игрушка произведёт сенсацию. А быть может,

Колль прав, и Севастин просто вознамерился впечатлить брата, чтобы наладить с ним отношения.

Очень хотелось взглянуть на этого Руана. Я его совсем не помнила. Разборки с Ненастным начались года через три или четыре после взрыва. Почему так поздно? Об этом я никогда раньше не задумывалась. А теперь в голову неожиданно закралась мысль, что именно Руан и был их инициатором.

— О, мои дорогие девочки! — громкий голос Севастина эхом взмыл к потолку и вывел меня из задумчивости. В элегантном белом фраке поверх огненно-красной рубашки он казался воплощением самой жизни. Щёки его пылали румянцем, а в воздухе, как мне почудилось, повеяло морозной свежестью.

— Агаточка, ты выглядишь прекрасно! — он по-отечески обнял меня и, взяв за руки, закружил на месте. — Очаровательное платье! Теперь я точно знаю, кого попрошу об одной маленькой услуге, — лукаво подмигнул он.

— Для вас всё что угодно, Севастин! — выдохнула я. Своему кумиру я просто не могла отказать.

— Что за услуга? — тут же наострила уши прагматичная Фабрис.

— Не скажу, — выпустив мою ладонь, Севастин протестующе вскинул руки. — Это сюрприз!

Загадочно пробежав пальцами по серебристым усам, он, почти приплясывая, направился к лифту.

— О-о-о, — прошептала я в умилении, — вот он — воистину счастливый человек! Он создал собственную идеальную вселенную. Реальную, осязаемую! И живёт в ней себе в удовольствие, да ещё придумывает радости другим!

— Не люблю сюрпризы, — наморщила нос Фабрис. — Надо бы у Колля выяснить, что задумал его папочка.

С трудом оторвав восторженный взор от лифта, который унёс Севастина ввысь, я повернулась к сестре:

— Почему ты во всём выискиваешь подвох?

— Так это всё из-за тебя! Зачем ляпнула насчёт ухода Севастина? А вдруг и правда? Вдруг это он и есть — его сюрприз?! К чему ещё вся эта торжественность и безумные затраты?

— Ты-то почему принимаешь его возможный уход так близко к сердцу? — удивилась я.

— Ну ты даёшь, Агатка! — она смотрела на меня то ли с укором, то ли с разочарованием. — Живёшь своей какой-то странной жизнью, совершенно не вникая в то, что заботит остальных! Если

Севастин отойдёт от дел, нам всем придётся уйти. Всё, что мы выпускали до сегодняшнего дня,— продукт его уникального ума. Не будет его — исчезнет интерес Континента, не будет работы. Где ещё в Безоблачном я найду место по специальности? Придётся податься на Континент.

Слова Фабрис не на шутку расстроили меня. Так далеко я действительно не заглядывала. А ведь и мне, скорее всего, придётся искать издателей для своих книг на Континенте, если Виртбук закроют.

Я мысленно встряхнулась.

— О чём ты говоришь, Фабрис! Предположение об уходе Севастина случайно закралось в голову. Ты же знаешь мою безудержную фантазию.

— Я также знаю, какая у тебя удивительная интуиция,— пробурчала сестра.— Ведь большая часть твоих «случайных» предчувствий со временем претворялась в жизнь! Тебя бабушка за глаза вещуньей называет,— огорошила она меня.— Даже в твоей сказке виделось некое мрачное пророчество. Я проживала её кусочками, но меня не покидало ощущение, что происходящее в виртуальном мире — либо отголосок прошлого... либо тень грядущего,— Фабрис зябко поёжилась.

— А может, всё-таки отражение настоящего? — вкрадчивый шёпот за нашими спинами сменился зловещим гоготом, и кто-то тяжёлый навалился на наши плечи. Я в испуге отшатнулась, а сестра лишь обречённо закатила глаза к потолку.

— Фальмус! — сердито заворчала она.— Мало того, что опоздал, так ещё и вырядился как шут гороховый. Хочешь получить очередной выговор от Колля?

— Миледи,— её коллега забавно раскланялся перед нами и, выпрямившись, с достоинством поправил сочный зелёный галстук.— Во-первых, Дарко сказал, что сегодняшние испытания — всего лишь бутафория. Во-вторых, Фабрис, мой костюм идеально соответствует дресс-коду: белого на мне ровно пятьдесят один процент! А кому интересны эти штампованные фраки? Ты только погляди на Агату — она от меня глаз отвести не может.

Это была абсолютная правда. Я с восхищением разглядывала его наряд. Рукава и борта пиджака, как и штанины брюк, наполовину были белоснежными, а наполовину сияли перламутровой зеленью. Этот цвет не выглядел кричащим — наоборот, приятно переливался и притягивал взгляд. Избыток яркого тона в галстук полностью компенсировался белизной рубашки. Комплект чрез-

вычайно подходил к смуглой коже Фальмуса и его глазам фисташкового цвета.

— Это потому, — ехидно заметила сестра, — что вы сегодня великолепно дополняете друг друга! Зелёный и алый — потрясающая пара! — её глаза загорелись, и она быстро затараторила: — Будь душкой, составь Агатке компанию на сегодняшний вечер. Она как раз в поиске кавалера.

— Кто? Я?! — разом отозвались мы с Фальмусом и растерянно переглянулись.

— Из вас выйдет идеальный тандем! — вдохновенно пела Фабрис. — Агатка живёт фантазиями, а ты, Фальмус, их реализовываешь. — Она красноречивым жестом обрисовала его экстравагантный костюм.

— У нас немного разные фантазии, — робко заикнулась я.

— В любом случае вы много времени вместе не проведёте. Фальмус должен находиться рядом с Дарко во время презентации, а потом... — Фабрис на мгновение задумалась, — а потом ещё неизвестно, что за услугу Севастин попросит тебя оказать. Его маленькие просьбы порой раздуваются в непосильные задания. Это вполне может занять весь вечер.

— Севастин попросил *тебя* об услуге? — оживился Фальмус.

Меня смутило, что ударение он поставил не на «услуге», а на «тебя». При этом его глаза хитро заблестели.

— Так ты в курсе, что это за услуга? — смекнула я.

— И что за сюрприз он нам всем готовит? — тут же подхватила Фабрис.

Фальмус комично изобразил удивление.

— Когда это Севастин посвящал меня в свои секреты? Агаточка, — сладким голосом обратился он ко мне, — нам следует поспешить. Позволь показать тебе лучшее место.

Рука лаборанта скользнула по моей талии, и вот мы уже в обнимку через высокие двери проходим внутрь цилиндра. Я обернулась и умоляюще посмотрела на Фабрис. Та выглядела озадаченной и, наверное, размышляла: радоваться ли тому, что удалась её задумка, или же досадовать, что Фальмус каким-то образом перехватил инициативу и явно что-то замыслил.

Это «что-то» не давало покоя и мне. Я намеревалась вытрясти правду из этого авантюриста, как только мы займём свои места. Но не тут-то было. Смотровой зал оказался почти полон. Ну конечно же! Парковка и парадный вход располагались с противоположной стороны здания, там, где ещё оставался ровный кусок плато. Значит,

и гости входили через другие двери. Я насчитала человек двадцать или тридцать, но и работников Виртбука уже набралось немало.

Пространство было огромным, однако из-за того, что кресла стояли на приличном расстоянии друг от друга, зал не мог принять больше сотни человек — что для Безоблачного уже считалось внушительным числом. Это на Континенте массовки исчислялись тысячами, у нас же всё выглядело гораздо скромнее. Виртбук не занимался конвейерным производством. Здесь изготавливался тот минимум, который требовался для удовлетворения запросов местных жителей. А вот на Континенте реализованные идеи Севастина штамповали в огромном количестве: голографические книги и открытки, игры, виртуальные учебные пособия и многое другое. Мне даже представить было сложно, как можно сделать нашу жизнь ещё более компьютеризированной.

— Агатка, — достиг моего уха свистящий шёпот Фальмуса, — я не могу остаться с тобой, — быстро бормотал он себе под нос, — надо бежать к Дарко. У меня огромная просьба! В обмен на секрет Севастина. Он, конечно, скоро перестанет быть таковым, зато ты проживёшь несколько минут в сладостном удовлетворении от того, что знаешь, в чём он заключается, а другие — нет.

Он вежливо усадил меня в кресло, а сам присел на корточки рядом и заглянул в глаза. Я невольно наклонила голову.

— Всё очень просто! Севастин подарит шанс опробовать виртуальную игру одному из зрителей. Представляешь?! Кто-то из вас получит возможность первым пройти её от начала до конца и тем самым войдёт в историю этого грандиозного изобретения!

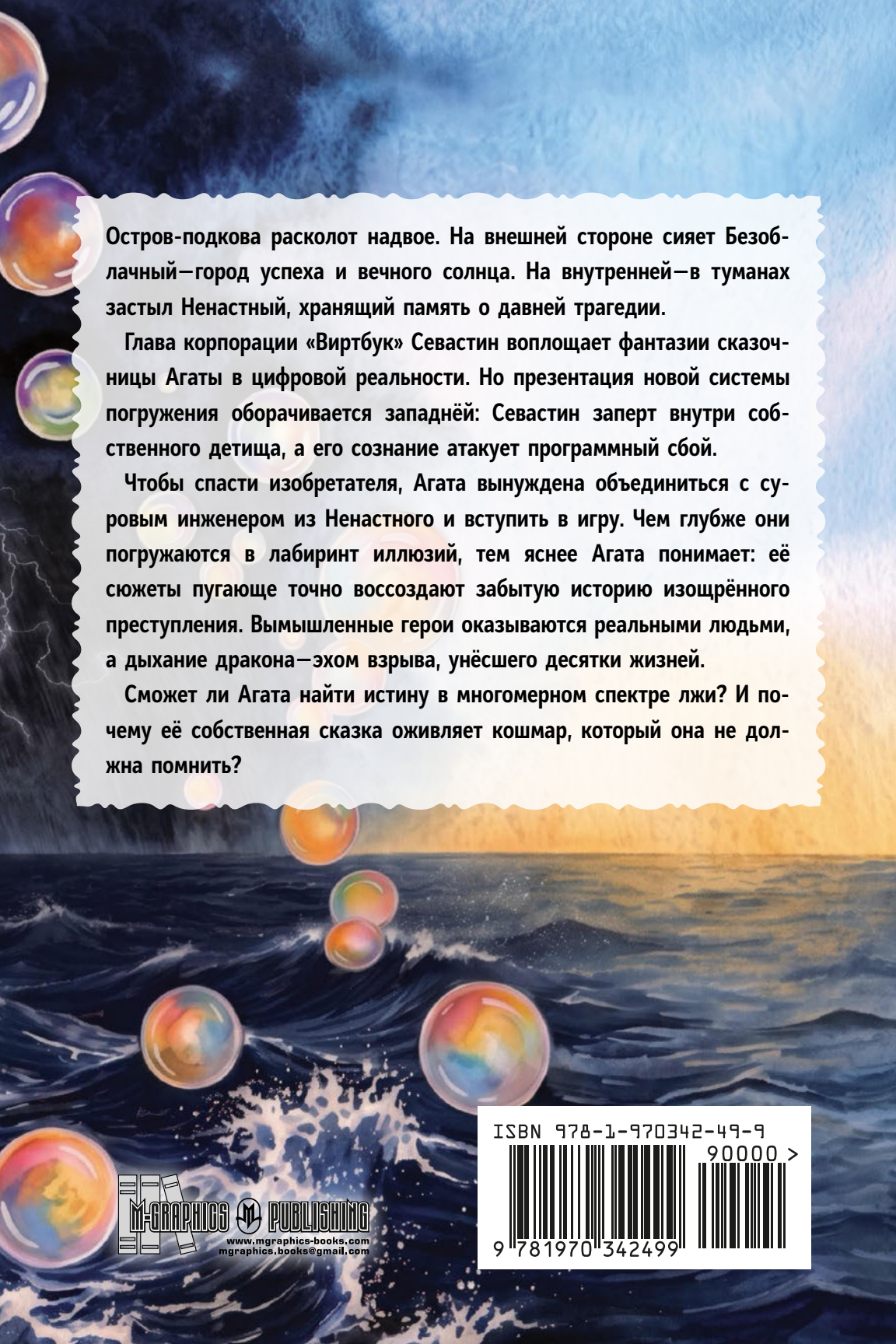
— Что значит первым? Разве ваши тестировщики не проходили её полностью?

— Это не совсем то же самое. Они обычно проверяют всё фрагментами. Никто ещё не запускал игру целиком. Понимаешь? Севастин с Дарко добавили в неё какие-то особые спецэффекты втайне от остальных. Даже меня не посвятили. Думаю, это тоже часть сюрприза.

— Чего же ты от меня хочешь?

— Всё очень просто, — повторил Фальмус. — Севастин попросит тебя запустить лотерейное колесо из его винтажной коллекции. Но это всего лишь дешёвый трюк. На самом деле ты активируешь скрытую программу вмонтированного в рулетку микрокомпьютера. Именно этот блок и будет выбирать имена из перечня присутствующих.

— Какого ещё перечня? — совсем запуталась я.

Остров-подкова расколот надвое. На внешней стороне сияет Безоблачный—город успеха и вечного солнца. На внутренней—в туманах застыл Ненастный, хранящий память о давней трагедии.

Глава корпорации «Виртбук» Севастин воплощает фантазии сказочницы Агаты в цифровой реальности. Но презентация новой системы погружения оборачивается западнёй: Севастин заперт внутри собственного детища, а его сознание атакует программный сбой.

Чтобы спасти изобретателя, Агата вынуждена объединиться с суровым инженером из Ненастного и вступить в игру. Чем глубже они погружаются в лабиринт иллюзий, тем яснее Агата понимает: её сюжеты пугающе точно воссоздают забытую историю изощрённого преступления. Вымышленные герои оказываются реальными людьми, а дыхание дракона—эхом взрыва, унёсшего десятки жизней.

Сможет ли Агата найти истину в многомерном спектре лжи? И почему её собственная сказка оживляет кошмар, который она не должна помнить?